

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

О.В. БОЛЬШАКОВА

**ИСТОРИЯ РОССИИ
В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

МОСКВА

2010

История России (ИНИОН)

О. В. Большакова

**История России в гендерном
измерении. Современная
зарубежная историография**

«Агентство научных изданий»

2010

ББК 63.3(2)

Большакова О. В.

История России в гендерном измерении. Современная зарубежная историография / О. В. Большакова — «Агентство научных изданий», 2010 — (История России (ИНИОН))

ISBN 978-5-248-00519-2

Раскрываются новые тенденции в зарубежной историографии России, связанные с изучением тендерной проблематики. Освещаются такие вопросы, как периодизация тендерной истории России X-XX вв.; трансформация идеалов мужественности и женственности в XVII-XX вв.; эволюция моделей семьи; женская религиозность и духовная жизнь; имущественные права русских женщин; литература и «женский вопрос»; «новая маскулинность» начала XX в. и война; «освобождение женщины» в эпоху социализма; тендер и национальная идентичность. Для студентов, преподавателей, специалистов по отечественной истории.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-248-00519-2

© Большакова О. В., 2010

© Агентство научных изданий, 2010

Содержание

Введение 1	5
Периодизация гендерной истории России	10
Гендер в традиционном обществе	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Большакова О.В.

История России в гендерном измерении Современная зарубежная историография Аналитический обзор

Введение ¹

Современная западная историография России немыслима без гендерных исследований, которые аккумулируют в себе практически все методологические инновации, представленные в сегодняшней исторической науке. В формулировке Н.Л. Пушкаревой, это направление современного социального знания, заимствующее подходы и исследовательские приемы из самых разных дисциплин, изучает «бескрайнее поле» влияния фактора пола на социальные процессы (6, с. 6).

Первыми на «фактор пола» обратили внимание феминисты, и благодаря движению за гражданские права женщин, развернувшегося в 1960-е годы на Западе, возникла «женская история». В ее задачи входило «сделать женщин видимыми» («making women visible»), т.е. показать вклад женщин – незаслуженно отодвигаемой на задний план «половины человечества» – в мировую историю. Термин «гендер», введенный в научный оборот медиками и психологами в 1950-е годы, вошел в социальные науки гораздо позднее, причем историки приняли его далеко не сразу, и довольно долго большинство из них использовали термин «гендерная история» в качестве синонима «женской». Поворотным пунктом в выдвижении на первый план гендерной истории специалисты считают публикацию в 1986 г. статьи американского социолога Джоан Скотт «Гендер – полезная категория исторического анализа». Дж. Скотт предложила обратиться к изучению норм, стереотипов и идентичности, а также институтов социального контроля, которые регулируют неравное распределение благ, власти и престижа в масштабах как общества в целом, так и отдельных классов и групп (6, с. 187). Поставленная Дж. Скотт задача изучения не столько женщин или мужчин, сколько гендерной структуры общества – основы социальной иерархии – обозначила переход от социальной истории к культурной, начавшийся в зарубежной исторической науке в 1980-е годы.

В своих исследованиях историки гендера исходят из того, что половой диморфизм является той физической реальностью, на которой основываются гендерные нормы, представляющие собой «социальные конструкторы». Они выделяют три группы характеристик: поло-ролевые стереотипы, поло-ролевые нормы и гендерную идентичность. Соответственно используются и три уровня анализа: индивидуальный, выделяющий гендерную идентичность индивида; структурный, учитывающий статус мужчин и женщин в системе социальных отношений; и культурно-символический, включающий в себя образы «настоящих мужчин» и «настоящих женщин» (6, с. 176).

Гендерные нормы усваиваются с раннего детства, и потому они кажутся чем-то изначально данным и неизменным. Однако социологические исследования показали, что гендерные представления создаются в ходе социального взаимодействия и являются крайне лабильными, реагируя на малейшие изменения в социуме. Доказано, что нормы маскулинности и фемининности никогда не были монолитными, объединяя в себе ряд противоречащих и взаимодополняющих мотиваций и импульсов. Подчеркивая комплексный характер гендерных

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-01-00116а.

представлений, ученые отмечают их воздействие буквально на все сферы человеческой деятельности (35, с. 2).

Исходя из того факта, что гендерные стереотипы и гендерная идеология являются важными социальными институтами, регулирующими поведение людей, историки склонны отказываться от «естественных», трансисторических понятий и сосредоточивают свое внимание на том, как изменялись гендерные идеологии во времени и пространстве. Изменения в представлениях о маскулинности и фемининности они связывают с более широкими явлениями общей динамики в социуме, экономике и культуре, такими как возникновение новых социальных групп, рождение наций, новых политических идеологий и взаимоотношений между государством и обществом (45, с. 2–3).

Нормы и представления о фемининности были достаточно глубоко разработаны уже в женской истории, а по мере утверждения гендерного анализа в исторических исследованиях неизбежно возник интерес и к изучению маскулинности. Он был вызван ясным пониманием того, что каждая сторона в этой бинарной оппозиции определяет другую как свою противоположность. Они действуют, дополняя и усиливая те или иные качества друг друга, и потому изучение женщин невозможно без столь же глубокого изучения мужчин.

Считается, что принцип дифференциации и отмежевания лежит в основе определения любой идентичности – социальной, культурной, национальной, гендерной. И на индивидуальном, и на коллективном уровне «свое» не мыслится без «чужого», идентичность не строится без оглядки на «другого». Причем «чужое», наделяемое как отрицательными, так и притягательными чертами, служит для стабилизации «своего» (12, с. 498–499).

* * *

Изучение гендерной истории России в своем развитии прошло те же стадии, что и гендерные исследования в целом, однако зачастую с небольшим отставанием. В пору расцвета социальной истории и феминизма русисты также начали интересоваться проблемами изучения женщин. В центре внимания левых радикалов и феминистов находились тогда такие вопросы, как угнетение женщины, сущность и истоки патриархальной власти, особенности женского мировоззрения и становления личности, борьба женщин за свои права. Как и их коллеги по историческому цеху, западные русисты стремились писать «her-story» («ее историю») в противоположность старой «his(s)tory» («его истории»).

В 1970–1980-е годы вышло много работ, посвященных русским женщинам, главным образом представительницам интеллигенции и революционеркам, а также истории феминизма². Однако уже тогда наметились и другие направления, получившие более широкое распространение позднее³. Труды социальных историков опирались в основном на источники личного происхождения – дневники, мемуары, переписку, а также на делопроизводственную документацию.

К концу 80-х годов круг проблем значительно расширился, что нашло свое отражение в материалах представительной конференции «История женщин Российской империи» (Огайо, 1988), в которой приняли участие специалисты из Великобритании, США, СССР, Германии,

² Bergman J. Vera Zasulich. – Stanford, 1983; Clements B. Bolshevik feminist: The life of Alexandra Kollontai. – Bloomington, 1979; Edmondson L.H. The feminist movement in Russia, 1900–1917. – Stanford, 1984; Engel B.A. Mothers and daughters: Women of the intelligentsia in nineteenth century Russia. – Cambridge, 1983; Five sisters: Women against the tsar / Ed. by Engel B., Rosenthal C. – N.Y., 1975; Farnsworth B. Alexandra Kollontai: Socialism, feminism, and the Bolshevik revolution. – Stanford, 1980; McNeal R. Bride of the revolution. – Ann Arbor, 1972; Porter C. Fathers and daughters: Russian women in revolution. – L., 1975; Stites R. The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and bolshevism, 1860–1930. – Princeton, 1978. Подробнее см. библиографию в книге Н.Л. Пушкаревой (7).

³ The family in imperial Russia: New lines of historical research / Ed. by Ransel D. – Urbana, 1978; Women in Russia / Ed. by Atkinson D., Dallin A., Lapidus G. – Stanford, 1977.

Австралии⁴. Западные историки обратились к изучению женщин низших классов. По выражению Барбары Энгель, они предприняли «хождение в народ», сопряженное со многими трудностями, – в первую очередь, с отсутствием адекватных личных источников, не говоря уже о тех социальных, культурных и психологических барьерах, которые сильно затрудняли проникновение в мир традиционной культуры и понимание мировоззрения крестьянок и работниц (42, с. 5).

Как и другие отрасли социальной женской истории, русистика изучала трудовую деятельность женщин, и здесь одной из первых стала серьезная монография Розы Гликман о фабричных работницах⁵. Однако особое внимание уделялось исследованию крестьянок пореформенного времени, их повседневной жизни, правового положения в семье и обществе, культуры и мировоззрения⁶. По-прежнему главной темой оставалось угнетение женщин, их дискриминация по половому признаку, однако общая тягостная картина обогатилась новыми, более позитивными штрихами. Оказалось, что «забытые крестьянки» зачастую выказывали немалую предприимчивость и отнюдь не всегда были пассивными жертвами патриархальной системы: они умели приспосабливаться к ней и использовать ее в своих интересах. Женские историки сумели продемонстрировать значение семьи и гендерного иерархического устройства для поддержания социальной и политической стабильности⁷. Заинтересованность государства в поддержке семьи как основы патриархального строя исследовалась ими на примерах таких, казалось бы, далеко отстоящих друг от друга вопросов, как борьба женщин за получение высшего образования и регулирование городской проституции⁸.

Сюжеты, посвященные деятельности женщин в публичной сфере, в частности благотворительности, учительству, журналистике, приобрели большую значимость в связи с возникшей в годы перестройки интеллектуальной модой на изучение гражданского общества в императорской России⁹.

В этот период получает импульс для своего развития и история советских женщин, которая особенно страдала из-за относительной закрытости СССР для иностранцев и отсутствия свободного доступа в архивы. Конечно, и в советское время на Западе на основе главным образом опубликованных материалов выходили работы, которые сегодня могут считаться классикой. Многие из них посвящены роли советских женщин в экономике страны¹⁰. И все же только с открытием архивов и появлением возможности проводить интервьюирование положение дел в этой области серьезно изменилось: увеличилось количество работ по социальной истории

⁴ Russia's women: Accommodation, resistance, transformation / Ed. by Clements B.E., Engel B.A., Worobec C.D. – Berkeley, 1991.

⁵ Glickman R. The Russian factory woman: Workplace and society, 1880–1914. – Berkeley, 1984.

⁶ Engel B.A. Between the fields and the city: Women, work, and family in Russia, 1861–1914. – Cambridge, 1994; Russian peasant women / Ed. by Farnsworth B., Viola L. – N.Y., 1992; Worobec C. Peasant Russia: Family and community in the post-emancipation period. – Princeton, 1991 и др.

⁷ Ransel D. Mothers of misery: Child abandonment in Russia. – Princeton, 1988; Wagner W.G. Marriage, property, and law in late Imperial Russia. – Oxford, 1994.

⁸ Bernstein L. Sonia's daughters: prostitutes and their regulation in imperial Russia. – Berkeley, 1995; Engelstein L. The keys to happiness: Sex and the search for modernity in fin de siècle Russia. – Ithaca, 1992; Johanson C. Women's struggle for higher education in Russia, 1856–1900. – Kingston, 1987.

⁹ Lindenmeyr A. Poverty is not a vice: Charity, society, and the state in imperial Russia. – Princeton, 1996; Ruane C. Gender, class, and the professionalization of Russian city teachers, 1860–1914. – Pittsburgh, 1994.

¹⁰ Attwood L. The new Soviet man and woman: Sex-role socialization in the USSR. – Bloomington, 1990; Bridger S. Women in the Soviet countryside: Women's roles in rural development in the Soviet Union. – N.Y., 1987; Buckley M. Women and ideology in the Soviet Union. – Ann Arbor, 1989; Lapidus G.W. Women in Soviet society: equality, development, and social change. – Berkeley, 1978; Women, work, and family in the Soviet Union / Ed. by Lapidus G.W. – Armonk, 1982; Sacks M. Women's work in Soviet Russia: Continuity in the midst of change. – N.Y., 1976; и др.

женщин, были предприняты шаги по переводу и публикации мемуаров и архивных документов¹¹.

Таким образом, за первые 20 лет своего существования социальная история женщин заложила прочный фундамент для последующих исследований гендерной проблематики, которые в 90-е годы сделали колоссальный рывок. Однако немалую часть этого фундамента составили также исследования по истории русской литературы и культуры в целом, которые активно развивались на Западе в 70–80-е годы¹².

В 90-е годы со сменой «социально-научной» парадигмы на «культурную» в зарубежной историографии получают широкое развитие культурные исследования («cultural studies»), в которых категория гендера занимает центральное место. Эта тенденция получила развитие и в русистике, которая продолжает уделять особое внимание периоду XIX – начала XX в., в особенности истории литературы¹³.

* * *

В настоящем обзоре рассматривается зарубежная историография России, посвященная гендерной проблематике. Это труды по социальной и культурной истории, опубликованные после 2000 г., а также те работы по истории литературы, в которых реконструируется социальный контекст. Соответственно, чисто литературоведческие работы, многие из которых опираются на психоанализ, равно как и работы по истории сексуальности, остаются за рамками данного обзора.

В центре внимания находится англоязычная историография, в первую очередь американская, которая благодаря развитой в США научной инфраструктуре давно занимает ведущее место в зарубежной русистике и достигла своего пика в изучении гендерной истории России на рубеже 2000-х годов.

В Германии гендерная история зародилась совсем не так давно и следует, по признанию самих немцев, «в фарватере» англо-американской историографии. Основные темы немецких исследований по России сосредоточиваются вокруг изучения русской литературы, истории женского освободительного движения и женщин советской эпохи. Нельзя не упомянуть фундаментальную монографию Бьянки Пиетров-Эннкер о «новых людях» (4; 108), изданную в 1999 г. и переведенную на русский язык в 2005 г. в рамках проекта о сотрудничестве кафедры славянской филологии университета Фрайбурга с РГГУ и другими научными и учебными заведениями России. Плоды этого проекта – сборники «Пол, гендер, культура», в которых принимают участие специалисты из разных стран (5). Сотрудничество с зарубежными коллегами

¹¹ Attwood L. Creating the New Soviet woman: Women's magazines as engineers of female identity, 1922–1953. – L., 1999; Goldman W.Z. Women, the state and revolution: Soviet family policy and social life, 1917–1936. – Cambridge, 1993; Ilić M. Women workers in the Soviet interwar economy: From «protection» to «equality». – L., 1999; Naiman E. Sex in public: The incarnation of early Soviet ideology. – Princeton, 1997; Wood E.A. The baba and the comrade: Gender and politics in revolutionary Russia. – Bloomington, 1997 и др.

¹² Heldt B. Terrible perfection: Women and Russian literature. – Bloomington, 1987; Andrew J. Women in Russian literature, 1780–1863. – Basingstoke, 1988; Barker A.M. The mother-syndrome in the Russian folk imagination. – Columbus, 1986; Hubbs J. Mother Russia. The feminine myth in Russian culture. – Bloomington, 1988; De Maegd-Soep C. The emancipation of women in Russian literature and society. – Gent, 1978; Women writers in Russian modernism / Ed. and transl. by Pachmuss T. – Urbana, 1978, etc.

¹³ Andrew J. Narrative and desire in Russian literature, 1822–1849: The feminine and the masculine. – N.Y., 1993; Gender and Russian literature: New perspectives / Ed. by Marsh R. – Cambridge, 1996; Gender restructuring in Russian studies / Ed. by Liljeström M. et. al. – Tampere, 1993; Kelly C. A history of Russian women's writing, 1820–1992. – N.Y., 1994; A plot of her own: The female protagonist in Russian literature / Ed. by Hoisington S. – Evanston, 1995; Russia–women–culture / Ed. by Gosciolo H., Holmgren B. – Bloomington, 1996; Schuler C. Women in Russian theatre: the actress in the silver age. – L., 1996; Sexuality and the body / Ed. by Costlow J.T., Sandler S., Vowles J. – Stanford, 1993; Wigzell F. Reading Russian fortunes: Print culture, gender and divination in Russia from 1765. – Cambridge, 1998; Women and Russian culture: Projections and self-perceptions / Ed. by Marsh R. – N.Y., 1998; Women in Russia and Ukraine / Ed. and transl. by Marsh R. – N.Y., 1996; Women writers in Russian literature / Ed. by Clyman T., Greene D. – Westport, 1994, etc.

является отличительной чертой не только немецкой, но и финской русистики, вносят свой вклад и исследователи-слависты из Швеции и Норвегии.

Во Франции гендерная история России пока не получила развития, о чем свидетельствует содержание ведущего журнала по русистике «*Cahiers du monde russe*» за последние 10 лет. Только в 2009 г. в нем была помещена подборка статей, в которых анализируются женские дневники в России периода 1750–1850 гг. Ситуацию с гендерными исследованиями во французской русистике прекрасно иллюстрирует тот факт, что в аннотации к статье американца Джеффри Бердза (29), опубликованной в этом журнале в 2001 г. на английском языке, – единственному материалу, в названии которого упоминается слово «гендер», – этот термин заменен во французском варианте на нейтральное (и понятное) слово «женщины».

Таким образом, все внимание в обзоре сосредоточено на англо-американской исторической русистике, где в последнее десятилетие все яснее обнаруживается новая тенденция. По мере убывания количества специальных исследований по гендерной или же по женской истории появляется все больше работ, в которых гендерная проблематика органично вписывается в конкретно-историческое исследование. Гендер оказывается необходимой аналитической категорией для тех, кто стремится глубже проникнуть в суть культуры и социума, понять, а иногда и по-новому интерпретировать их историческую эволюцию.

Периодизация гендерной истории России

Одной из первостепенных задач, выдвинутых в свое время первым поколением женских историков на Западе, был пересмотр схем исторической периодизации, которая прежде основывалась исключительно, как считалось, на истории мужчин. Неудивительно, что к этой проблеме обратились и русисты, поскольку «новая хронология», будучи наиболее общим мерилем научных достижений, неизбежно придает вес любой отрасли исторического знания, особенно такой «вызывающей» с точки зрения научного истеблишмента, как женская история. Кроме того, сама задача создания хронологической схемы побуждает к осмыслению того, что уже сделано предшественниками, и дает необходимую опору для последующих исследований.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в уже упоминавшемся здесь сборнике «Русские женщины» (см. сноску 1 на стр. 7), который подвел определенную черту под тем, что было сделано в области женской истории в 70–80-е годы. В центре предложенной авторами-составителями Б. Клеменц, Б. Энгель и К. Воробек концепции находился социальный (жизненный) опыт женщин, и основанием для нее служили ключевые для социальной истории категории приспособления, сопротивления и трансформации. По мнению этих исследовательниц, в истории русских женщин просматриваются два крупных периода. Первый соответствует эпохе традиционного общества, он характеризуется преимущественно «приспособлением» женщин к существующей патриархальной системе. Формы женского сопротивления патриархальной власти проявлялись в этот период на микроуровне отдельной семьи или общины и часто трудно отличимы от успешного приспособления. Сущность второго периода, соответствующего эпохе индустриального, вестернизированного общества, составляет «трансформация» – процесс превращения женщины в независимую личность, который начался в России после Петровских реформ и первоначально коснулся только столичной элиты. В провинции дворянки сохраняли традиционный образ жизни приблизительно до середины XIX в., а для крестьянок эпоха глубоких социальных изменений началась не ранее 1880-х годов. Таким образом, хронологическая граница между двумя периодами оказывается весьма подвижной (119, с. 2). Что касается форм женского сопротивления, то в XIX–XX вв. центральное место занимает социальный протест (там же, с. 7).

Западные русисты сходятся во мнении, что XVIII век был ключевым периодом в изменении статуса женщины как в обществе, так и в семье. Важнейшую роль здесь сыграли реформы Петра, причем не только общеизвестные указы, потребовавшие от дворян одеваться и вести себя в соответствии с европейскими нормами, но и закон 1716 г. о собственности в браке, и идеи о женском образовании. Отмечается, что указ об ассамблеях создал новые публичные пространства, в которых женщины начинают играть важную социальную роль. Предписанные нормы рыцарского поведения и учтивости в высшем обществе обозначили радикальные изменения в кодах гендера и сексуальности, явились первым примером вторжения верховных властей в детерминирование восприятия, репрезентации и социальных последствий женской самостоятельности (47, с. 5). Все это постепенно подрывало домостроевскую модель брака и отношений между полами. И хотя определенные изменения фиксируются историками уже со второй половины XVII в., все же именно петровские преобразования считаются переломным моментом, водоразделом в гендерной истории России. Как пишет Н. Коллманн, Петр Великий сформировал целые поколения «новых людей», которые должны были превратить Россию в европейскую державу (89, с. 20). Изучение ближайших и отдаленных последствий петровских преобразований осуществляется в западной русистике в рамках исследований так называемого «длинного XVIII века» (1700–1825), однако в ряде случаев хронологическая граница этого периода отодвигается к 1830–1840-м годам, а иногда и к 1860 г. Это имеет под собой серьезные основания, поскольку другой важной вехой в области женской истории изначально считалась

эпоха реформ 1860–1870-х годов, когда произошли серьезные изменения в социальном положении женщин (они получают доступ к образованию, значительно расширяется их участие в общественной жизни).

Эпоха Великих реформ поставила на повестку дня так называемый «женский вопрос». В эти годы – значительно позднее, чем в Западной Европе и Америке, – в Российской империи возникает движение женщин за свои права, хотя круг требований был тогда еще значительно ограничен. Он включал в себя возможность доступа к высшему образованию, к занятию определенными профессиями (в первую очередь, медицинскими) и расширение юридических прав. Только после революции 1905 г. возникает движение за предоставление женщинам избирательных прав. Характерной особенностью России по сравнению с Западом было активное участие женщин в революционном движении (119, с. 12–13).

Урбанизация, а затем форсированная индустриализация конца XIX в. явились важнейшими факторами, не только ускорившими изменения в социальном положении женщин, но и значительно расширившими их масштабы; они способствовали вовлечению в этот процесс крестьянок и работниц. Как отмечают исследователи, низшие слои общества совершенно иначе ощущали на себе воздействие Петровских реформ, реформ 1860–1870-х годов и индустриализации. Их переход от традиционной патриархальности к буржуазным социальным моделям происходил гораздо медленнее, и к 1917 г. еще далеко не был закончен. Декреты Временного правительства и Советской власти, даровавшие женщинам все мыслимые гражданские свободы, легли, таким образом, на достаточно неоднородную социальную почву, где патриархальные структуры сочетались с ростками нового.

Предложенная социальными историками периодизация, основанная на категориях опыта и статуса, не во всем совпадает с общепринятой. Более того, она ставит ряд серьезных проблем, поскольку совершенно определенно демонстрирует, что проводившиеся «сверху» изменения очень медленно достигали низов общества, для которых периодизация оказывается иной. Эта многослойность требует более гибкого и в то же время строгого подхода к хронологии, который учитывал бы одновременное существование «разных реальностей» на разных уровнях социальной иерархии.

Исследования маскулинности, к которым зарубежные русисты подключились совсем недавно, также вносят свой вклад в новое понимание исторической эволюции России и осмысление периодизации ее гендерной истории. В этой области еще не накоплен достаточный для обобщений материал, однако и здесь наблюдаются определенные несовпадения как с общепринятой хронологией, так и с европейской линией развития. Хотя исследования маскулинности проводятся главным образом в русле культурной, а не социальной истории, петровская «революция сверху» является и в данном случае важным водоразделом. Именно тогда на передний план выходит новый тип мужественности, освобожденный от православного смирения и аскетизма, наполненный новым светским содержанием (89, с. 18).

Избрав в качестве опоры изменения в гендерных стереотипах и нормах, исследователи выделяют переходный период от «эгалитаризма» эпохи Просвещения к иерархическому дискурсу романтизма 1830-х годов с его гипертрофией маскулинности. Переход начался в 1790-х годах и был отмечен, с одной стороны, «феминизацией» литературы сентиментализма, с другой – началом утверждения в России идеологии «разделенных сфер», отводившей женщине домашнюю роль «хранительницы очага». Эта идеология способствовала возникновению нового, буржуазного типа маскулинности (119, с. 12).

Так же как и в истории женщин, 1880-е годы, а в особенности рубеж веков оказываются периодом общего ускорения изменений в статусе и образе жизни мужчин всех социальных слоев. Изменения здесь также идут сверху вниз, так что периодизация гендерной истории, основанная на социальных категориях статуса, образа жизни и моделей поведения, применима в данном случае и к истории мужчин. Отличительной чертой современных исследований явля-

ется внимание к кризису маскулинности, который начался в Европе в конце XIX в. и в полной мере проявился в России перед Первой мировой войной. В этот период возникает новый тип «милитаризованной мужественности», переходный по отношению к гипермаскулинному образу «нового советского человека» (120, с. 194).

Работы по истории литературы также ставят под вопрос принятую периодизацию. В частности, они показывают, что «женский вопрос», который считали «детисем» эпохи Великих реформ, был поставлен женщинами-писательницами уже в 1820–1830-е годы, что значительно размывает хронологические границы. Дж. Гейт выделяет в своем исследовании два поколения женщин-писательниц, пришедших в литературу в 1830-е и в 1850-е годы, и ставит в связи с этим вопрос об альтернативной периодизации по сравнению с мужской, для которой важными были эпохи 1840-х и 1860-х годов. Литература, пишет исследовательница, создается в континууме, и, основываясь на других произведениях и беря другие периоды, можно предложить иное понимание истории, нежели дает нам «нарратив прогресса», обыкновенно подчеркивающий резкие разрывы в ходе исторического развития (51, с. 97). Откровенный вызов общепринятым представлениям замечен в работах Катрины Келли (83; 84), которая выделяет совершенно непривычные для нас хронологические периоды 1760–1830-х, 1840–1880-х и 1890–1920-х годов и фактически игнорирует эпоху Великих реформ.

Наиболее явственно различия между историей женщин и гендерной историей (т.е. фактически между социальной и культурной историей) проступают в периодизации, когда дело касается советского времени. Казалось бы, советская эпоха вполне отвечает всем критериям периода «трансформации», когда происходил процесс освобождения женщины и формирования ее как независимого социального субъекта. Тем не менее дарованные женщинам в 1917 г. широкие права заставляют социальных историков проводить четкую границу между дореволюционной и советской эпохами и считать революцию «разрывом», переломным моментом в периоде трансформации. Ключевую роль здесь играет избранная точка отсчета – социальный опыт женщин. Немалую роль играют и убеждение, что в основе этого опыта лежат юридически закрепленные права, и привычка опираться в своей работе в первую очередь на правовые акты и только затем «поверять» их практикой. Исследования, уделяющие большее внимание повседневной жизни и микроистории, обнаруживают в советской эпохе многие явления, корнями уходящие в дореволюционное время, а правовые нормы выступают в них чаще в качестве механизмов, закрепляющих уже существующую практику. И все же в основе выделения отдельного советского периода в гендерной истории чаще всего лежит убеждение в уникальности «социалистического эксперимента».

Гендер в традиционном обществе

Первый период гендерной истории России, характеризующийся безраздельным господством традиционного общества, по своей протяженности намного превосходит период «трансформации». Более того, для низших слоев он продолжался гораздо дольше, чем для элиты, а патриархальные структуры семьи, как принято считать, оставались фактически неизменными вплоть до падения империи.

Изучение гендерной истории допетровской Руси представлено в западной русистике крайне небольшим количеством работ, в основном посвященных женщинам XVI–XVII вв. Среди ведущих исследователей следует назвать Ив Левин, Нэнси Шилдс Коллманн, Валери Кивелсон, Изольду Тире. Главную трудность здесь составляет скудость источниковой базы. Наряду с традиционными для социальной истории источниками – судебными и дворцовыми документами, частноправовыми актами, летописями, новгородскими берестяными грамотами – привлекаются произведения духовной и светской литературы, фольклор, изобразительные материалы, данные этнографов. Все это позволило реконструировать патриархальную систему ценностей допетровской Руси, которая, как считают историки, мало отличалась от западноевропейской. В ее основе лежало понятие о неукоснительном подчинении женщины мужчине, поскольку по самой своей природе она является существом слабым физически и морально. Мужчины должны управлять женщинами для их же блага и для блага общества, а женщины – подчиняться мужчинам, следовать их советам и служить своей семье. Однако, как и в большинстве патриархальных обществ, власть мужчин не была абсолютной. Женщины высокого социального положения могли командовать мужчинами нижестоящими, старые женщины – младшими по возрасту мужчинами, власть свекровей над невестками была поистине безграничной, а вдовы часто были по-настоящему независимыми (42, с. 3).

Характеризуя патриархальную структуру допетровской Руси, западные историки пришли к выводу о том, что она давала женщине и определенные преимущества, в частности хорошо обеспечивала ее защиту и, кроме того, предоставляла ей возможность, пусть ограниченную, принимать достаточно активное участие в жизни общества. В современной историографии явно заметен отход от прежних критических интерпретаций, подчеркивавших угнетенное положение женщины. Еще одной важной чертой сегодняшней ситуации в изучении гендерной истории России следует назвать отказ от прежних представлений о российской «исключительности» с акцентом на отсталости страны и ее отличиях от Европы. Надо сказать, эта черта характерна в целом для всей англоязычной русистики, которая все чаще помещает историю России в общеевропейский контекст.

Плодотворность такого подхода демонстрирует статья Фрэнсиса Батлера (30), в которой сюжет Повести временных лет о мести княгини Ольги древлянам исследуется с точки зрения соответствия «гендерному коду» того времени. Автор реконструирует нормы древнего восточнославянского общества, опираясь в условиях крайней скудости источников на материалы скандинавского, раннегерманского и англосаксонского эпосов. Он полагает такое сравнение вполне правомерным, поскольку нормы гендерного поведения изменялись крайне медленно.

Ф. Батлер препарирует ситуацию, сложившуюся в Киевском княжестве после убийства древлянами князя Игоря, и показывает, что овдовевшая княгиня стояла перед трудным выбором. Прими она предложение древлян – они убили бы ее малолетнего сына Святослава, а жители Киевского княжества попали бы под гнет жестокого и менее развитого племени. И хотя в эпоху раннего Средневековья овдовевшие королевы часто выходили замуж и возводили таким образом на престол нового короля, жертвуя будущим и часто жизнью своих сыновей от первого брака, Ольга избрала иной путь – убийство древлян и их князя. При этом своих

целей она достигла исключительно при помощи слов, не беря в руки оружия (в отличие от ряда скандинавских женщин-мстительниц). Ф. Батлер согласен с той высокой моральной оценкой, которую летописец дает Ольге, и отмечает, что она действовала в соответствии с тогдашним женским кодексом поведения. То, что наши современники сочли бы обманом, пишет он, на самом деле являлось единственным способом защитить интересы сына и подданных, и речи княгини Ольги представляли собой «благородное, честное оружие, гораздо более полезное, чем мечи и копья воинов-мужчин» (30, с. 793).

Изучение социальных ценностей, менталитета и предписанных гендерных норм занимает сегодня центральное место в гендерной истории допетровской Руси. Здесь, как отмечает Н. Коллманн, особенно остро ощущается проблема источников, поскольку они почти не дают свидетельств о «живом опыте» и не позволяют оценить соотношение между предписанными нормами и практикой. Источником, который всегда привлекался историками в подтверждение существовавшей в Московии XVI в. жесткой патриархальности, является «Домострой». Впервые полный перевод на английский язык этого литературного памятника, содержащего массу сведений о повседневной жизни и нравах того времени (включая советы о том, как квасить капусту), был опубликован в 1994 г.¹⁴ В результате в настоящее время после тщательного изучения этого дидактического текста западные специалисты подходят к нему иначе, чем прежде, сопоставляя его с аналогичными памятниками назидательной литературы в Европе и отдавая себе отчет в его одностороннем характере. Они привлекают и другие источники, в первую очередь фольклор и светскую литературу, а также судебные материалы, которые значительно корректируют представленную в «Домострое» и в особенности в свидетельствах путешественников-иностранцев картину «жестокое угнетения» женщин в Московии (90, с. 365).

---

¹⁴ The «Domostroi». Rules for Russian households in the time of Ivan the Terrible / Transl. and ed. by Pouncy C.J. – Ithaca, 1994.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.